

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.16>

Щербаков Дмитрий Александрович

НАПРАВЛЕННОСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья посвящена обоснованию тезиса о том, что направленность человеческой деятельности и, соответственно, изменений, происходящих в обществе, представляет собой одну из форм существования исторической реальности. Исследован и определен смысл понятия "форма существования". Выявлены компоненты онтологической структуры направленности изменений как формы существования исторической реальности. Показано, что онтологическими основаниями признания направленности изменений в качестве формы существования исторического прошлого являются понимание конституированности направленности осью от прошлого к будущему и включённость прошлого в эту онтологическую структуру.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/5/16.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 78-81. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Статья посвящена обоснованию тезиса о том, что направленность человеческой деятельности и, соответственно, изменений, происходящих в обществе, представляет собой одну из форм существования исторической реальности. Исследован и определён смысл понятия «форма существования». Выявлены компоненты онтологической структуры направленности изменений как формы существования исторической реальности. Показано, что онтологическими основаниями признания направленности изменений в качестве формы существования исторического прошлого являются понимание конституированности направленности осью от прошлого к будущему и включённость прошлого в эту онтологическую структуру.

Ключевые слова и фразы: форма существования; прошлое; бытие; историческая реальность; онтология; время.

Щербаков Дмитрий Александрович, к. филос. н., доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
am720@ya.ru

НАПРАВЛЕННОСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Направленность изменений общества – это форма существования исторической реальности. Её основой является направленность деятельности людей. Направленность конституирует курс исторического движения.

Когда размышляют над вопросом о том, как и в виде чего существует историческое прошлое, то в первом приближении к проблеме обычно предполагают, что если оно в принципе существует, то существует в форме памяти, исторического знания, в форме текста, накопленного социального опыта, в форме традиций, идей, языков и всей совокупности артефактов – материальных вещей, созданных в прошлом и несущих информацию о нём [8, с. 302, 389-390]. Эти объекты могут становиться первоисточниками исторических знаний.

Оставляя на время эти традиционные предположения, предпримем онтологическое рассмотрение тезиса, вынесенного в заглавие и первые строки этой работы. **Целью** исследования будет выявление онтологических оснований и обоснование тезиса о том, что направленность человеческой деятельности и, соответственно, изменений, происходящих в обществе, есть одна из форм существования исторической реальности.

Для достижения этой цели предполагается решить следующие **задачи**: во-первых, выявить и определить смысл самого базового понятия «форма существования»; во-вторых, показать, каким образом направленность изменений может мыслиться как одна из таких форм, в-третьих, осветить и описать характеристики и онтологическую структуру направленности как формы существования исторической реальности.

Решение этих задач вносит вклад в исследование проблемы выявления и определения форм существования исторического прошлого и обосновывает мнение о его реальности и объективности.

Актуальность решения этой проблемы порождается потребностью людей в уверенности и укоренённости в своём историческом прошлом, в признании объективности его существования, что вносит вклад в преодоление произвольности трактовок исторических событий [11]. Это помогает жить, сообразуясь с реалиями исторического прошлого, и ведёт к повышению гражданской ответственности. Внутринаучная актуальность обусловлена теоретической полемикой по вопросу о статусе реальности исторического прошлого и недостаточной онтологической разработкой данного вопроса [2, с. 232].

В обыденном словоупотреблении форма – это внешний вид вещи, её контур, внешний облик, строение её фигуры, её пределы и границы, своеобразии пространственной протяжённости составляющей её материи. Беря за образец типичные представления о весьма распространённых природных объектах, мы говорим «грушевидная» форма, «каплевидная», «миндалевидная» и т.п. Мы имеем так называемые «правильные» геометрические формы объёмных фигур – шар, куб, цилиндр, пирамида и т.д. или фигуры на плоскости – квадраты, треугольники, прямоугольники, круг и т.д. Но так ли мы пользуемся понятием и словом «форма» применительно к существованию чего-либо и, конкретно, к существованию исторической реальности, как для обозначения внешнего вида материальных вещей? Так, для сравнения можно напомнить известные формулировки типа «республика – это форма правления», «форма государственно-территориального устройства», «произведение Платона написано в форме диалога», «жизнь – это активная форма существования материи», «время – это форма существования движущейся материи», «простейшие формы жизни» и т.п. Что общее присуще всем таким случаям использования понятия «форма»?

Аристотель считал, что форма есть сущность вещи, и, следовательно, когда форма вещи значительно изменяется, переходя границы меры, то эта вещь перестаёт быть сама собой и становится чем-то другим [3, с. 124, 131, 191, 202]. Когда такие изменения происходят, мы говорим, что теперь материя существует в другой форме (и виде). В случае с геометрическими фигурами мы имеем тождество их формы, понятой как сущность, и формы, понимаемой как внешний вид предмета, его строение. Но к сложным объектам социальной реальности или к философским категориям понятие «форма» не применяется в значении «внешний вид». У объектов социальной реальности, тем более у исторической реальности, вообще нет внешнего вида, каковой бывает только у материальных вещей. Форма правления или форма организации означает скорее строение, устройство объекта, соподчинённость составляющих его компонентов. Внешний вид

и устройство тесно связаны, как по смыслу, так и онтически, ибо устройство определяет внешний вид там, где он возможен. Когда мы размышляем не о чувственно воспринимаемых материальных вещах, а об умопостигаемых объектах исторической реальности, то мы нуждаемся в понятии «форма» для определённости этих мыслимых объектов. В этом мы усматриваем родовую близость смыслового наполнения понятия «форма» применительно к материальным вещам и объектам социального мира. То, что в отношении материальных вещей является их внешним видом – пределы их пространственной протяжённости, то для умопостигаемых исторических объектов является их смысловой и онтической определённой. Так как определённость порождается внутренним устройством объекта и давлением внешней среды, которая для объектов исторической реальности есть сочетание физического мира и смыслового контекста человеческих мыслей и деяний, то смысл понятия «форма» применительно к существованию исторической реальности близок и родственен исходному значению, мыслимому как «внешний вид» вещи, пределы её протяжённости. При этом аристотелевский смысл понятия «форма», то есть сущность объекта, его идея, тоже усматривается в отношении существования исторических объектов, поскольку они являются тем, что они есть, только при сохранении определённости внутреннего своего строения в пределах ментальных и физических границ, переходя которые, они становятся чем-то другим. Получается, что форма существования исторической реальности есть Нечто, которое является её носителем, понимаемым как организующая структура, выражающая сущность и представляющая собой определённость исторического в среде других сфер реальности, заданную внутренним строением этого сущего и особенностями среды, в которой оно пребывает. Такой дефиницией решается первая задача данного исследования. Представляется, что именно эти выявленные смыслы образуют понятие «форма существования исторической реальности», применяемое для обозначения того, «как и в виде чего» она существует.

Вторая и третья задачи, связанные с обоснованием понимания направленности человеческих деяний и, соответственно, изменений, происходящих в обществе, как формы существования исторической реальности решаются вместе – одна посредством другой.

Направленность деятельности и, соответственно, изменений есть онтологическая структура, связывающая прошлое, настоящее и будущее, синтез этих временных модусов реальности. В интенции присутствуют как уже реализовавшееся, ставшее определённым чем-то, получившее свою сущность историческое сущее (прошлое как осуществившееся), так и то, что пока пребывает в процессе становления, и это, «всякий раз иное», по сути, пока ни то, ни сё [12, с. 209; 15, с. 84-85]. В интенции пребывают также и вневременно сущие идеи и идеалы, паттерны, положенные мыслью в основу намерений, «проекты реализации самой реальности» [15, с. 202]. Так как сохранение прошлого в настоящем и трансляция его в будущее есть сущностный признак исторического, то мы вправе считать направленность изменений формой существования исторической реальности [4, с. 549; 6, с. 215]. Направленность есть всегда «оттуда и туда». В эту структуру входят «находящаяся» в будущем цель деятельности, «находящееся» в прошлом то неудовлетворительное состояние психической и физической реальности, откуда идёт движение, то, чем оно мотивировано, и пребывающее в настоящем моменте то, что направлено и движется – коллективный или индивидуальный субъект исторического процесса (личность, народ, партия, государство, общественное объединение, община, трудовой коллектив и т.п.), и то, среди чего нечто движется – среда и контекст.

Направленность существует не сама по себе, а всякий раз к чему-то. Направленность своим онтическим устройством есть направленность к чему-то. Говоря о направленности, мы имплицитно подразумеваем «что-то, то, к чему направлено» то сущее, которое изменяется. Здесь стоит задать вопрос: «то, к чему» направлено (искомое и желательное состояние реальности) «находится» вне направляющегося, как отдельная вещь, или представляет единое целое с ним, будучи онтической системой отношений между элементами этого целого, находящимися в разных удалённых друг от друга пространственно-временных локусах? Более верным представляется признание целостности направляющегося и его цели, ведь цель существует в его сознании и есть продукт этого сознания. Если «то к чему» направлено Нечто, находится вне, то это «вне» может быть либо в пространстве, либо во времени, либо и то и другое сразу. Можно ли при этом считать находящееся вне в будущем как «находящееся, то есть как уже существующее», уже имеющееся в системе отношений? Представляется, что мы вправе так считать, поскольку «то, к чему направлено», только как искомое состояние реальности всегда «находится» в будущем, а будучи целью деятельности, оно существует в настоящий момент времени. Здесь мы вынуждены парадоксально квалифицировать будущие состояния исторической реальности как уже где-то и как-то потенциально существующие в будущем и как цели и идеалы (марксистов или либералов, например), актуально сущие в настоящем. По крайней мере, идеалы, мечты, планы и проекты существуют в настоящем.

Особым вопросом является вопрос о том, что направлено – некое ли это Сущее, как человек или группа людей, или направлен всякий раз процесс, поток изменений? Но ведь в известном смысле и человек есть цепь его деяний. Можно ли процесс, а не вещь считать сущим? Ведь принято же говорить, что идёт, а значит, существует такой-то процесс, и принято считать движение тем, что существует («В Красноярске дождь»). Тут мы оказываемся у странного парадокса путаницы сущего и существования, различие которых требуется в онтологии Хайдеггера и преодолевается в онтологии Гегеля [17, с. 4, 6]. Если представлять направленность как тенденцию изменений, как вектор развития, как курс проводимых преобразований, то мы должны мыслить направленность как некоторую длительность, тянущуюся из прошлого в будущее. В перспективе направленность создаёт траекторию движения, навсегда отпечатывающуюся в поле исторической реальности как колея дороги. Для этого у нас есть известное выражение «исторический путь народа». Моделью и символом такой длительности будет, например, линия в системе координат (скажем, линейная функция в декартовой системе координат на плоскости). Эта линия, конечно, всегда сильно изломана как график и идёт пунктиром – с перерывами движения. Но тогда сама идея считать направленность изменений формой

существования исторического прошлого обесценивается тем, что любую длительность можно «рассечь» на прошлое, которого «уже нет», и будущее, которого «ещё нет», а первоначальная интуиция подсказывала, что в направленности прошлое именно есть [1, с. 294]. Тем не менее при этом любая направленность онтически может существовать то или иное время, то есть продолжаться, будучи направленностью некоторого процесса. Если же представлять направленность изменений как нечто единомоментное, в моменте «Теперь», в срезе ментального настоящего, которое не продолжается, то тогда она должна мыслиться как поворот траектории развития, поворот, имеющий свой определённый угол и градус наклона (склонность). Направленность существует как исторический поворот движения развития личности и общества лицом к выбранной цели. В этом случае сохраняются основания считать направленность формой существования исторического прошлого, подобно тому, как мы считаем точку на линии времени одновременно концом прошлого и началом будущего, то есть этот ментальный срез принадлежит и прошлому, и настоящему, и будущему. Получается, что прошлое выражается сейчас в том, что мы сейчас повёрнуты лицом именно в таком-то и таком-то направлении, именно к таким и таким целям и «уходим» именно от такого-то прошлого, и эта «повёрнутость» есть определённая прошлым текущим состоянием нашей реальности. Настоящее своей направленностью несёт в себе прошлое.

Там, где принимается в расчёт длительное существование некоторой направленности на что-либо, остаётся онтологически неясным, можно ли говорить о движении направленности как формы существования исторической реальности, как о движении, скажем, медведя в лесу? Ведь если этот вектор, эта направленность «в прошлом», то там всё стоит, ничего не двигается и не изменяется. Тогда мы можем думать, что изменяется направленность только в настоящем, на крайней последней и новейшей точке развития всего этого процесса сегодня, сейчас. Стало быть, длина и длительность вектора движения как причинно-следственного ряда не ограничены только где-то там, в далёком прошлом, но обязательно тянутся сквозь необозримые века и доходят до нас, живущих теперь.

Рассмотрение и анализ онтического устройства феномена «направленности на или к» высвечивает особое поле, где пролегал эта Направленность, эти векторы исторического движения. Это «Где» есть контекст самих событий – природная и социокультурная среда их протекания и одновременно контекст их понимания и интерпретации [9, с. 346-347]. Контекст неограничен. В этом контексте находятся мораль и религия, идеологии и право, содержание литературных произведений, господствующие научные и философские теории и идеи, мода, вкусы и настроения, творения искусства, народная родовая память и историческое знание. Это международная обстановка, плюс контекст мнений о происходящем, социокультурный контекст понимания и интерпретаций того, что происходит и происходило. Контекст придаёт форму направленности исторического процесса и любого из его мельчайших локальных движений, протеканию любых событий, как берега реки придают форму, ширину и изгибы текущей воде, создавая узкие места и стремнины, глубокие заводи и широкие исторические отмели. Чтобы понять суть и курс проводимых реформ, надо знать ситуацию в стране и мире, сложившуюся на тот момент. Контекст – внешняя среда мысли и интенции действующего субъекта истории «сдавливает», «обволакивает», делает вызовы и «даёт место» этой интенции, наделяет смыслом, то есть определяет и, так или иначе, оформляет её. Контекст (среда) оформляюще действует на содержание мысли, подобно стенкам кувшина, форму которых принимает находящаяся внутри него вода. Смысл каждой части даёт целое. Целым мы считаем всю тотальность исторической реальности. Например, курс проводимых реформ определяется той ситуацией в стране и мире, которая сложилась и диктует необходимость именно таких и таких мер. То, как эти реформы проводятся (быстро или медленно, лихорадочно или планомерно, жёстко или мягко), тоже определено средой их осуществления и ментальным контекстом их обоснования и понимания обстановки в мире. Это даёт нам основания считать контекст исторического события структурным компонентом феномена направленности изменений как формы существования исторической реальности.

Итак, структурными компонентами феномена направленности изменений как формы существования исторической реальности являются: 1) то, что направлено (субъект, действие, процесс); 2) то, от чего направлено (прошлое неудовлетворительное и нежелательное состояние реальности, боль, нищета, страдание, дисгармония); 3) то, к чему или на что направлено (цель, желательное будущее состояние мира) и 4) то, среди чего направлено – среда и контекст этой интенции. Все они вместе образуют ту форму, в которой существует историческое прошлое в настоящем и передаётся в будущее. Анализ исторических объектов по этим четырём составляющим даёт полное системное представление об этих объектах и может служить одним из философских методов понимания и постижения прошлого.

Как прочно лежит «на своём месте» и онтически зафиксирован этот вектор, эта направленность? Подобно ли это лыжне, прочно накатанной по заснеженной целине и сохраняющей свои зримые очертания относительно долгое время, что позволяет путнику не сбиться с пути и отмечать вехи своего исторического продвижения вперёд или отмерять ретроспективно взглядом назад для осмысления пройденного пути? Но ведь и лыжня не прочна, она также течёт и расплзается, как и всё в этом природном мире [5, с. 143, 171]. Тем более течёт и расплзается исторический социокультурный, гносеологический и метафизический контекст понимания любого исторического явления, объекта, процесса (ведь сколько людей – столько и мнений, и сколько историков – столько и историй), и этот объект даже не повисает в воздухе или пустоте, ибо быть без контекста историческому невозможно, но искривляется, теряет форму, постоянно теряет прежнюю свою определённую границами других событий и чьего-либо понимания и приобретает новую определённую. А это значит не что иное, как то, что этот вектор, эта направленность перестаёт быть сама собой, изменяет «угол и градус» своего движения, но ведь быть и не быть одновременно и в одном и том же отношении невозможно [3, с. 95, 98]. Тут мы стоим вплотную перед проблемой самотождественности исторических событий и шире – исторических явлений [16]. Самотождественны ли исторические события? Те исследователи,

которые склонны считать исторические объекты интерпретациями (неважно, современными ли этим объектам или позднейшими), зачастую отвергают самождественность исторически сущих. То, что замечает один, другой просто не видит или видит в своём смысловом космосе как нечто иное. Точнее, для тех, кто полагает, что «история существует лишь в нашем воображении», никаких исторических сущих вне сознания исследователя просто нет, а все исторические объекты – это конструкции нашего разума [7, с. 8; 16, с. 96]. Встречается использование понятия «историческая реальность» для обозначения знания об исторической действительности как о последовательности событий в прошлом [10, с. 50]. Для тех же, которые опасаются такой релятивизации и которые стремятся, как писал Платон, останавливать свою мысль всякий раз на чём-то определённом и самождественном, прошлое стабильно и неизменно, исторические сущие самождественны, ибо «всё было так, как оно было», а не так, как нам это мнится, кажется или хочется [12, с. 278]. Такие наивные реалисты жаждут стабильности и исторической определённости, исторической правды и достижения объективно истинного исторического знания. Проблема самождественности исторических объектов остаётся открытой. Представляется, что продуктивным будет различие фактической направленности прошлых и законченных действий конкретного субъекта исторического процесса и направленности процесса, мыслимой в позднейших интерпретациях теми людьми, которые сами не участвовали в тех прошлых событиях, но видят их отдалённые следствия, к которым привело развитие тех событий [14, с. 176-177]. Фактическая направленность реализованных в прошлом деяний должна пониматься лишь как направленность деятельных интенций исторического лица (или коллективного субъекта), действовавшего тогда именно в своих собственных ценностных системах координат, без учёта наших сегодняшних пониманий и толкований [13, с. 420, 465].

Таким образом, мы можем рассматривать направленность деятельности людей и, соответственно, изменений, происходящих в обществе, в качестве формы существования исторической реальности, сохраняющей в себе прошлое. Онтологическими основаниями такого воззрения являются признание включённости прошлого в качестве структурного компонента в то расположение, в котором всякий раз пребывает субъект исторического процесса и движется его деятельность, понимание того, что структуру направленности конституирует координатная ось «оттуда и туда», то есть направленность есть всегда обращённость от чего-то в прошлом к чему-то в будущем, признание определённости и мотивированности такого расположения прошлым опытом. Форма эта образована пределами мысли и действия, являющимися сущностью того или иного исторического объекта, а также воздействием природной и социокультурной среды и смыслового контекста его существования.

Список источников

1. **Августин Аврелий.** Исповедь. СПб.: Азбука, 2011. 400 с.
2. **Анкерсмит Ф. Р.** История и тропология: взлёт и падение метафоры. М.: Канон+, 2009. 400 с.
3. **Аристотель.** Метафизика. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
4. **Гегель Г.** Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.
5. **Гераклит Эфесский: всё наследие:** на языке оригинала и в русском переводе / подгот. С. Н. Муравьев. М.: Ad Marginem Press, 2012. 416 с.
6. **Коллингвуд Р. Дж.** Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.
7. **Копосов Н. Е.** Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 326 с.
8. **Лоуэнталь Д.** Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004. 623 с.
9. **Мегилл А.** Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
10. **Никитин В. Е.** Проблема исторической реальности // Метафизические исследования: альманах. СПб.: Издательство СПбГТУ, 1997. Вып. 2. История. С. 47-59.
11. **Никифоров А. Л.** Историческая память, история и истина // Способы постижения прошлого: методология и теория исторической науки: сб. статей. М.: Канон+, 2011. С. 129-159.
12. **Платон.** Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2013. 1311 с.
13. **Риккерт Г.** Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука, 1997. 533 с.
14. **Руткевич А. М.** Факты и фикции // Способы постижения прошлого: методология и теория исторической науки: сб. статей. М.: Канон+, 2011. С. 160-190.
15. **Табачков А. С.** Метатеоретическая репрезентация исторического прошлого. Мн.: РИВШ, 2009. 242 с.
16. **Филиппов А. Ф.** Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 96-120.
17. **Хайдеггер М.** Бытие и время. М.: Академический Проект, 2011. 460 с.

VECTOR OF CHANGES AS A FORM OF EXISTENCE OF HISTORICAL REALITY

Shcherbakov Dmitrii Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
am720@ya.ru

The article justifies the thesis that orientation of human activity and, consequently, the vector of changes occurring in the society is a form of existence of historical reality. The author examines the meaning of the notion “form of existence” and identifies the components of the ontological structure of the vector of changes as a form of existence of historical reality. It is shown that ontological foundations for accepting the vector of changes as a form of existence of historical past lie in the fact that the vector of changes takes the form of an axis from the past to the future and the past is included into this ontological structure.

Key words and phrases: form of existence; past; existence; historical reality; ontology; time.